

Милорад ПАВИЧ: «Я женат на ведьме»

Это было настолько нереально: придя в известный а-ля богемный кабак плюс книжный магазин (вот она, сбывшаяся мечта интеллектуала всех времен и народов — пить и читать одновременно!), взять с полки его новую книжку и знать, что еще минута-две — и он войдет сюда сам. Так не бывает и так вышло — тот, чье имя вызывает трепет у всех читающих, запросто протянул руку, сел рядом за столик и спросил: «Ну что же вы не начинаете?» — «Ждем команды», — оторопело попытались пошутить мы. «Никогда не надо ждать команды!» — сказал глубокий старик, вечно молодой Милорад Павич — 72-летний писатель с мировым именем. Русская любовь к Павичу насчитывает ровно 10 лет — с тех пор как журнал «Иностранная литература» в год кончины СССР напечатал главный роман его жизни, его «Хазарский словарь».

МК Бульвар
2007-23 сент. - с 58-61

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ

Он прилетел в минувший четверг днем, вместе со своей ученицей, ставшей второй женой, Ясминой Михайлович — жгучей брюнеткой с громким жизнерадостным смехом, одетой в черный костюм, на шее — старинное украшение — маленькие бронзовые чеканки неровными полукружиями на кожаном шнурке вплетенные с гранатовыми бусами.

Господин писатель заказал кофе («Днем он пил белое вино», — шепнул издатель), сказал, что да, ракия и сливовица — очень хорошо, но он давно не пьет крепких напитков. Ясмينا выпила красного вина, потом мы вспомнили пивницу «Александр» в центре старого Белграда, прикрепленную одной своей стеной прямо к большому пивному заводу, где подают свежайшее в мире пиво, и мы наконец решили добавить к нашему разговору диктофон.

— Неужели вы так верите в гороскопы, придаете им такое значение, что столько о них пишете?

— Я думаю, что это не только со мной такой случай. Ну вот спросите воду: «Верит ли она?» Вода же реагирует на движение небес, неужели

вы думаете, что человеческий организм так сильно отличается от воды? Ведь в нашем организме 90 с чем-то процентов воды. И я думаю, что приливы и отливы существуют и в моих органах, и у моих читателей, — Павич лукаво улыбается, видно, что ему доставляет удовольствие «плести» свой ответ, нанизывая словечко на словечко.

— И вы составляли свой гороскоп, вы знаете свое будущее?

— Э... э... Это нельзя. (Дальше разговор все чаще переходит на русский, потом на сербский, потом слова в предложении стоят вместе — сербские и русские, — и уже никто не думает, на каком языке мы говорим, и в какой-то момент становится ясно, что превосходный переводчик большинства книг Павича на русский, Лариса Савельева, которая взялась помочь нам понимать друг друга, скорее собеседник, чем толмач.)

— Нет, этого нельзя делать, — продолжает после паузы Павич. — Моя супруга Ясмينا Михайлович и я однажды помимо своей воли сделали такую пробу, когда вышел мой роман «Последняя любовь в Царьграде» (русский вариант названия — «Последняя любовь в Константинополе».

— Авт.). На книжной ярмарке в Белграде к нам подошел молодой человек, у него в руках были карты Таро. И он сунул нам колоду и сказал: "Вытащите карты". Так не делают, потому что тогда это будет карта на всю жизнь. Но отказать тоже нельзя было. Естественно, это нужно делать левой рукой. Сначала я вытащил, потом Ясмину. Моя карта была Царь (Лариса перевела "император"), а у Ясины — Царица ("императрица"), — и тут Павич засмеялся, довольный произведенным эффектом.

Лариса говорила нам, что он любит немножко шокировать, но мы все равно оказались не готовы.

— Ну разумеется, эти карты в Таро не имеют того значения, которое есть у них в современном языке.

— Вы сказали, что нужно брать карты обязательно левой рукой, откуда вы знаете, среди ваших друзей есть гадалки?

— Я женился на ведьме. (Ясмину смеется, Лариса, издатель, мы — все смеются. Писатель доволен, очень доволен.) Она здесь, — добавляет он. — Осторожно!

— Она летает на метле?

— Это нескромный вопрос.

— А что вы делаете, если Ясмине вдруг не понравилось ваше произведение?

— Но тот же самый вопрос можно поставить Ясмине, она тоже писатель.

— Это был следующий вопрос.

— До сих пор не было такого случая.

— А когда вы читаете рассказы Ясины, вы их критикуете?

— Нет. По-моему, пользы от критики никакой нет.

— То есть вы только хвалите?

— Э-э... Нет... Ну например, как было дело. Сейчас печатается моя новая книга... Когда я был "млад писец" (молодым писателем), я всегда мечтал о том, чтобы мне кто-то заказал рассказ, так же, как любому мастеру заказывают сделать дверь или обувь. Но этого все никак не случилось. Ну вот. Ясмину опубликовала свою новую книгу рассказов, книга понравилась и два раза за год переиздавалась. Когда Ясмину получила деньги от второго издания, она мне сказала: "Я хочу заказать тебе рассказ. Я заплачу тебе, но у меня есть условия. Во-первых, рассказ мне должен понравиться. Второе, героиней рассказа должна быть я, Ясмину, и это должно быть абсолютно ясно, не то чтобы какие-то догадки". Я думал-думал... и написал рассказ.

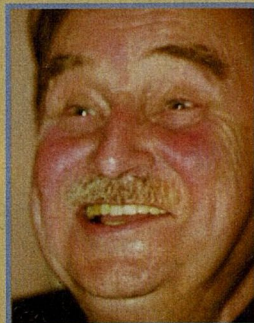
Тут активно жестикулирующая во время всей речи мужа Ясмину не выдерживает, хохочет и вмешивается:

— Был еще третье условие! Я сама найду тот дом, в котором я хотела бы жить в этом рассказе, и он должен быть обставлен по моему вкусу.

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МИЛОРАД ПАВИЧ

Литературная династия Павичей известна в Сербии с XVIII века. Павич Милорад родился в 1929 году в Белграде, ребенком выучился немецкому у солдат вермахта, русскому у эмигранта-белогвардейца, французскому и английскому — самостоятельно. Поступил на философский факультет, но стал все-таки филологом. Перевел на сербский "Евгения Онегина", академически исследовал поэзию барокко и символизма, писал для газет, оставаясь поэтом. Автор тридцати книг, из которых одна — роман "Хазарский словарь" (1984) — стала всемирно знаменитой. Номинирован на Нобелевскую премию, переведен на 73 языка, не состоит в политических партиях, живет в Белграде. Женат на литературоведе Ясмине Михайлович.

Кирил ИСКОЛЬДСКИЙ

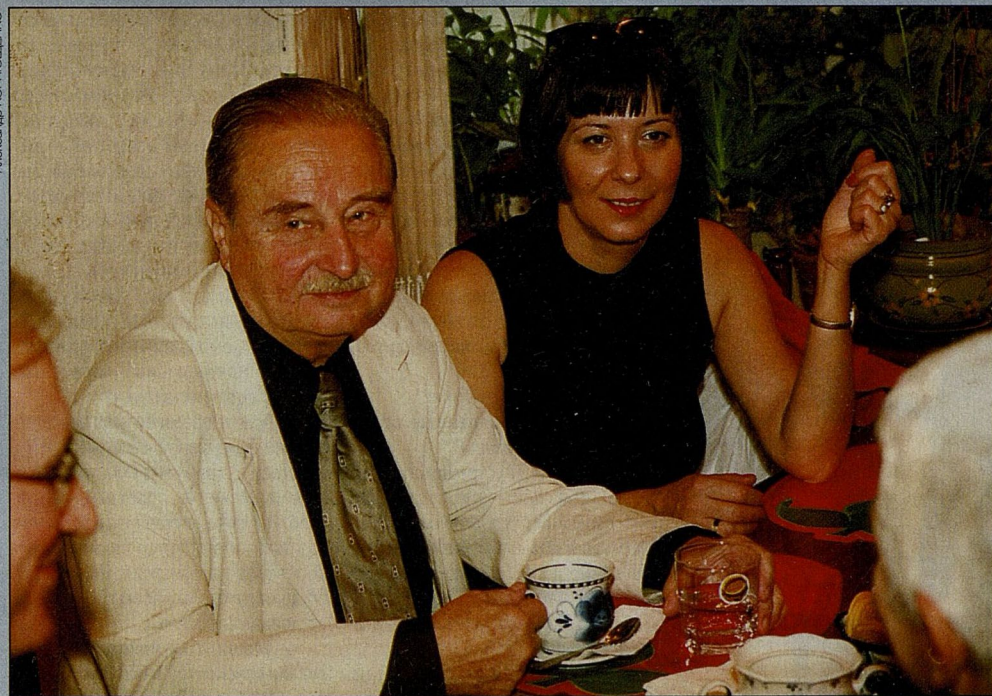
— И мы пошли искать дом, — продолжает, нисколько не смущаясь, Павич. — Мы ходили по старой части Белграда, очень красивой, которую мы очень любим, и нашли дом, когда уже стемнело, ночь наступала. Мы постучали, открыли какие-то цыгане. Они нам показали двор, лестницу, крыльцо... И наступил тот день, когда я сказал Ясмине: "Садись, я буду читать свой рассказ". Она вынула деньги, положила их на стол и приготовилась слушать. И когда я прочитал,

Из автобиографии Милорада Павича:

Я стал писателем двести лет назад. Давным-давно, в 1766-м, Павич опубликовал сборник стихов... Я родился в 1929-м на берегу одной из райских рек, в 8.30 утра, под знаком Весов... Я думаю, что изучение языков сродни волшебному превращению в разных зверей... Я любил двух Иоаннов — Дамаскина и Златоуста...

В любви мне везло больше на страницах моих книг, чем в жизни, за единственным исключением, которое длится и по сей день... До 1984 года я был самым нечитаемым писателем своей страны, пока не стал самым читаемым... Я написал один роман в форме словаря, второй — в форме кроссворда, третий — в форме клепсидры (водяные часы). — "МК-Бульвар" и четвертый — в виде колоды карт Таро... Я верю, что повествование подобно раку — оно живет своими метастазами... У меня нет биографии — есть только библиография... Критики заметили, что я первый писатель XXI века, но я жил в XX, когда доказывать нужно было не вину, а невиновность...

Я никого не убивал. Но меня убивали. Задолго до моей смерти. Я самый известный писатель самого ненавидимого народа — сербского народа... XXI век начался для меня в 1999-м, когда натовская авиация бомбила Белград...

Вторым браком Павич женат на литературном критике Ясмине Михайлович.

Александр КОРОТКО

мой рассказ ей очень понравился, и она заплатила мне. Потом я отдал издателю книгу рассказов, среди которых был и этот. Он называется "Страшная любовная притча".

— Он уже опубликован в России?

— Вот у него спросите, — хитро ответил Павич, кивая в сторону присутствовавшего здесь же его русского издателя, на что издатель тут же парировал: "В октябре выйдет".

— И много вам Ясмина заплатила?

— Что касается этого вопроса, вот ответ. Она сказала: "Ты получил деньги за этот рассказ два раза — от меня и от издателя, ты хитрый". Вот вам притча о притче.

— Господин Павич, вы всегда читаете Ясмину вслух свои произведения?

— Нет, она тоже должна работать, это не дело тогда будет.

— Не бывает таких вечеров, когда вы собираете близких и читаете им вслух?

— Конечно, но не часто. Дело в том, что я пишу долго, очень трудно. И Ясмина так тоже.

— Сколько вы писали эту книгу? (Мы протягиваем Павичу последний вышедший у нас сборник его рассказов "Кони святого Марка".)

— Я так давно это написал, что это уже неправда, — снова чуть-чуть эпатирует господин писатель. — Но обычно я пишу за одну ночь одну фразу. Я ее составляю в постели и в темноте — и если к утру не забуду, тогда я ее записываю. Но вы знаете, никогда не нужно жалеть, если вы забудете. Потому что это все равно уходит к Богу. Половина человеческих замыслов уходит к Богу, а половина остается с человеком. И я считаю даже, что лучше бы больше человеческих замыслов уходило к Богу, а не оставалось на земле. Да и у людей часто бывают такие замыслы нехорошие.

— Нам говорили, что вы затворник, но сейчас мы видим перед собой человека общительного, который людьми отнюдь не тяготеет. Что правда?

— Не верьте косметике.

— Вы читали переводы своих книг на русском языке?

— Конечно. Я устал, испугался, читая себя — как будто я русский классик. (Переводчик Лариса Савельева, поскольку реплика обращена явно к ней, смущенно восклицает: "Ну знаете ли!")

— На каких еще языках вы читали свою прозу?

— Кроме китайского, почти на всех. Все свои переводы на французский, английский, немецкий я тоже контролирую.

— Они вам нравятся?

— Я их обычно исправляю, чтобы они мне нравились. Каждый мой контракт предусматривает, что я имею право исправлять и добавлять.

— Вы работаете на компьютере или на пишущей машинке?

— Карандашом. Карандашом в постели. А потом пишу это на компьютере и исправляю много раз тоже на компьютере.

— Как вы, тонкий ценитель языка, приверженец традиций в литературе и жизни, относитесь к тому, что вашими текстами полон Интернет, ваши произведения выходят на мультимедийных носителях — с иллюстрациями, музыкой, мультипликацией?

— Дело в том, что я в своих романах применял интерактивный принцип еще задолго до того, как появились компьютеры и Интернет. И надо сказать, что компьютеры и Интернет, они очень хорошо приспособились к моим романам.

— Не ссорятся?

— Нет.

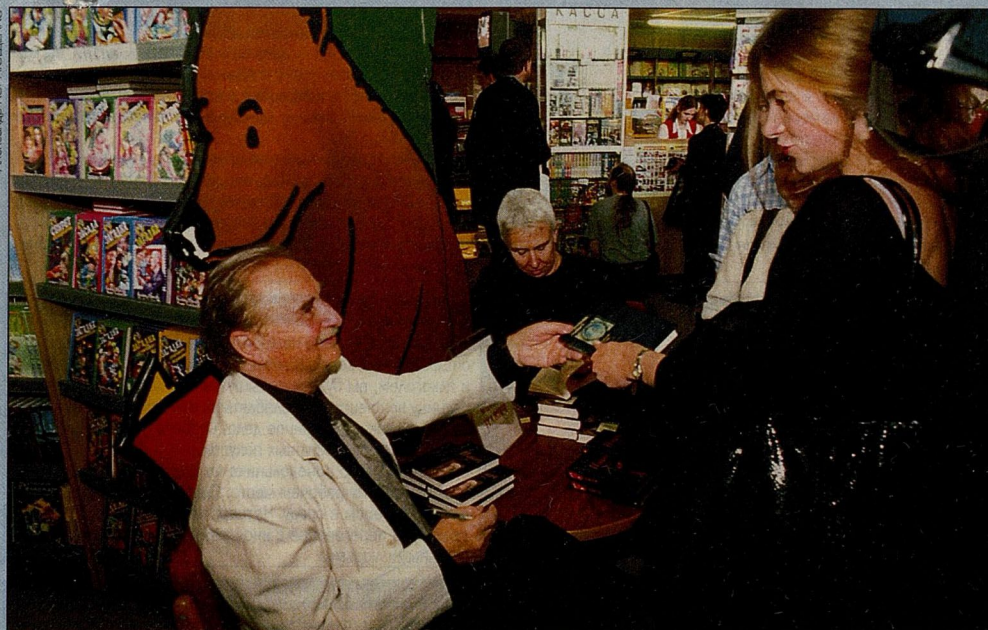
— Вы так любите играть формой — то у вас роман в виде словаря, то пособие по гаданию, то роман-кроссворд. Старый спор о том, что важнее: форма или содержание, вы решаете в пользу обеих?

— Для меня важен только читатель. И он должен работать тоже, не только я. В таких интерактивных произведениях читатель сам может включиться в процесс и может менять роман так, как он хочет. Я не изменил роман как форму литературного произведения, я просто изменил способ чтения романа. В конце концов эти формы давно нам известны — мы все умеем решать кроссворды, мы пользуемся словарями и так далее. Мы умеем раскладывать карты и переворачивать песочные часы, просто это никогда не применялось по отношению к книге. И я это сделал для того, чтобы читатель стал активнее. Я применил демократический принцип.

— В какой стране мира у вас больше всего читателей?

— Долгое время больше всего читателей было в англо-саксонских государствах. Во времена Советского Союза Павич не был переведен на русский. Я думаю, что сейчас настал как раз тот момент, когда больше всего переводов появляется в России. Вообще, я думаю, я переведен языков на двадцать восемь.

— Мешала ли война творчеству? Вы спускались в бомбоубежище, когда НАТО бомбила Белград и продолжали работать там или вы вообще не реагировали на вой сирен?

— В нашем доме нет подвала, поэтому нам просто некуда было бежать прятаться. Каждую ночь, когда прилетали самолеты, мы стояли в дверном проеме, я срезал кожуру с яблок и давал яблоки Ясминке и своему сыну Вуку.

— А почему вы не уехали, вы не боялись?

Чисто и отчетливо, по-русски:

— Я никогда не хотел уехать от моих читателей. Я родился и всегда жил только в Белграде, хотя и много путешествовал по миру. Несколько страниц "Ящика для письменных принадлежностей" я написал во время натовских налетов.

— Как вы считаете, сыграла ли политическая обстановка на Балканах какую-то роль в вашей популярности? Людям в других странах стало интересно, как живут, что собой представляют те, кто десятилетия уже воюет и воюет...

До того непринужденный Павич весь вдруг подобрался:

— Я бы сказал немного по-другому: в моих книгах нет политики в таком повседневном значении слова, поэтому они вряд ли могли дополнительно разжечь интерес к Балканам, я стал популярен не из-за этого. Но есть другой аспект, который очень важен, и в этом смысле ваш вопрос вполне уместен. Балканы — такая территория, где очень развита духовность, где соприкасаются разные религии, культуры, цивилизации, традиции. И это истинный источник вдохновения и богатства для писателя, просто это нужно увидеть.

— Господин Павич, в вашей прозе у каждого героя обязательно есть

большая семья, вы описываете несколько поколений, текст насыщен описанием народных, семейных традиций. А какие обычаи существуют в вашей семье?

— В моей семье было два человека, которые умели очень хорошо рассказывать...

Павич поправляет переводчицу:

— Една жена и една человек.

И как ни в чем ни бывало продолжает:

— Это такая традиция, которая далеко-далеко в прошлое уходит. Был такой Павич, который еще в XVIII веке публиковал свои книги стихов — один из моих прапрапрадедов. Кроме того, существуют традиции, связанные с культурными обрядами. Например, я был на святом Афоне и написал роман...

— "Пейзаж, нарисованный чаем", — дружно подсказываем мы.

— Кроме того, у нас очень живые античные традиции — где ни копнешь, всюду остатки Древнего Рима, остатки Древней Греции, — заканчивает писатель свою мысль.

— Как-то вы сказали, что в вашей семье писателями становятся через поколение: ваш дед был писателем, вы...

— Мой сын — художник, мой отец был художником, мой сын нарисовал карты Таро, которые украшают мои книги, издающиеся во всех странах. Есть и обратная последовательность — моя мать в 91-м году написала мемуары, и я в шутку ей сказал: "Вот мой самый лучший ученик".

— Какие фильмы, спектакли поставлены по вашим произведениям?

— Да много всего. В Белграде сняли два фильма по моим рассказам. "Хазарский речник" ("Хазарский словарь") был адаптирован к постановке на сцене, и его играли во французских замках — люди путешествовали в автобусах от замка к замку, и пуб-

После журнального бума перестройки было долгое затишье — казалось, что вообще никто ничего не читает. Много говорили о вымирании интеллигенции. Когда же в 1997 году "Словарь" появился здесь pocket-бук, неразбериха девяностых ни много ни мало закончилась. Он стал книгой-ориентиром первого поколения российской — постсоветской то есть — интеллигенции. Все, кто Павича тогда прочитал, интеллигенцией и оказались.

Павич подписывает свои книги в одном из московских магазинов.

ту, и... как вы знаете, "Хазарский словарь" имеет две версии — мужскую и женскую... и настал момент, когда всю публику разделили по половому признаку, — и женщины так никогда и не узнали, что показывали мужчинам, а мужчины не узнали, что показывали женщинам. А в Дании по "Хазарскому словарю" поставили балет. Вот и ваш Олег Табаков ставит во МХАТе мою интерактивную драму "Вечность и еще один день".

— Вы будете приезжать на репетиции?

— Нет, я на премьеру приеду и выпью "Советское шампанское", оно